

РУССКИЕ МОРЯКИ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ЛЮДИ, МЕХАНИЗМЫ, ИНСТИТУТЫ, СООБЩЕСТВА¹

В начале 1920-х гг. города юга Франции стали одним из центров русской военно-морской эмиграции. В рамках данной статьи показаны предыстория контактов российских государственных и военно-морских структур с военной и городской администрацией городов южной Франции (Марсель, Тулон), которые обусловили направление этой эмиграции и облегчили условия адаптации в регионе русских военных моряков уже в роли эмигрантов. Автором проанализированы основные аспекты военно-морского сотрудничества в изучаемый период, показаны основные институты этого взаимодействия не только в военном, но также и в социокультурном аспектах.

Ключевые слова: русско-французский альянс, русско-французское сотрудничество, военно-морские офицеры, Франция, Тулон, русские места памяти, русские эмигранты.

Военно-морское сотрудничество России и Франции с конца 1850-х до середины 1910-х гг. претерпело различные периоды не только активного взаимодействия, но и спада в зависимости от меняющейся внешнеполитической и экономической ситуации. В качестве примера такого сотрудничества может послужить взаимодействие русских государственных и военно-морских структур с крупнейшей базой французского флота в г. Тулон. Особенно эффективным это сотрудничество было в сфере военного кораблестроения и использования Россией французских военно-морских баз в Средиземном море для обучения гардемарин, стоянки и ремонта русских кораблей [1, с. 125–134]. В начале XX века с подписанием военно-морской конвенции 1912 г. альянс получил документальное оформление и новые перспективы для развития, о чем свидетельствует визит российской делегации офицеров Морского Генерального штаба в Тулон в июне 1914 г.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-09-00081 А «Старое русское морское офицерство после 1917 г.: сплошное просопографическое исследование».

Политическое и военно-техническое сотрудничество с недавним противником по Крымской войне оказалось одной из тех мер, которые позволили России восстановить собственный военно-морской флот уже на новом техническом уровне, а также приобрести опыт строительства, ремонта и эксплуатации современных кораблей в диалоге с французскими бизнесменами, кораблестроителями, гражданскими и военными моряками.

Данное сотрудничество, в свою очередь, имело далеко идущие последствия, сказавшись, помимо всего прочего, с одной стороны, на формировании геополитического союза (*Entente cordiale*), с другой стороны, на низовом уровне, на формировании определенной страты людей (чиновники, предприниматели, инженеры, офицеры), задействованных в данном русско-французском сотрудничестве.

Центры строительства новых кораблей для русского флота становились точками кристаллизации упомянутого сообщества. Сложилась определенная институция людей, имевших опыт регулярных визитов, поездок, стажировок во Францию, деловых контактов, знания людей и обстановки. Эта преемственность взаимоотношений сохранялась в годы Первой мировой войны и революционных событий в России. Моряки-эмигранты Русской эскадры, покинувшие Родину после поражения в Гражданской войне, избрали для себя местом компактного проживания тот самый регион, который был им хорошо знаком.

Поразительно быстро организованное переселение, размещение, адаптация на новом месте, быстрое и эффективное налаживание связей русской общины с местной гражданской и военной администрацией, а также с правительственными учреждениями свидетельствует, на наш взгляд, о том, что упомянутая выше институция действительно существовала и проявляла себя в конкретных действиях. Следует заметить, что дипломатические учреждения Российской империи, расположенные в этом регионе, продолжали действовать в интересах русской диаспоры до середины 1920-х гг.² Таким образом, можно говорить не только о преем-

² Генеральное консульство Российской империи в Марселе, Императорские консульства в Тулоне.

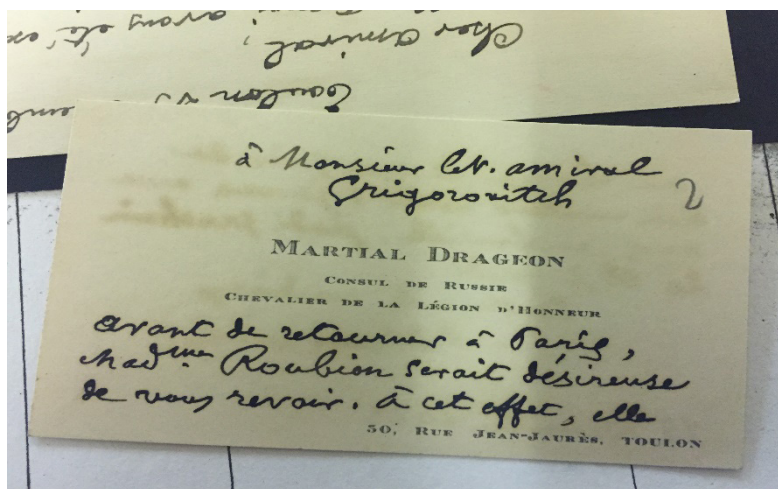

Рис. 1. Визитная карточка консула России
Марциала Драгона с автографом.

[Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5903.
Оп.1. Д. 44. Л. 2]

венности связей и отношений, но и о существовании устойчивого сообщества, не только индивидов, но и организаций.

С конца 1950-х гг. XIX в. в Тулоне постоянно функционировало русское Императорское консульство, расположенное на улице Жан-Жорес, дом 50. Консульские службы активно участвовали во францужско-русских морских делах (встреча судов, административные вопросы, переписка с морской префектурой), а также обеспечивали визовое обслуживание иностранных пассажиров, выезжающих в Россию³.

В годы Первой мировой войны двустороннее сотрудничество России и Франции, опиравшееся на уже богатый опыт взаимодействия в военной сфере, обрело новые формы. В 1914–1918 гг.

³ Некоторые документы, касающиеся истории российского Императорского консульства в Тулоне, хранятся в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны Франции в Тулоне (SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 6. Carton 310; Série 2D. Sous-série 10. Carton 21) и в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р5903. Оп.1. Д. 44, 527).

тулонская городская агломерация входила в состав XV военного округа. Военно-морская база и Арсенал стали базой военно-морских сил союзников в Средиземном море; через тулонский рейд прошли десятки военных кораблей, их экипажей и пассажиров, будь то французские комбатанты, союзники или гражданские лица в составе делегаций (дипломаты и журналисты). На верфях тулонского пригорода Ля Сейн-сюр-Мер французские и китайские рабочие участвовали в строительстве и ремонте не только военных судов, но и железнодорожных вагонов [9, р. 30–33]. После начала Первой мировой войны российские корабли продолжали заходить в порт Тулона. Французские кораблестроители занимались ремонтом и переоснащением российских военных судов: установка артиллерийского и минометного вооружения, ремонт пушек, проведение артиллерийских испытаний.

В городе функционировали 14 временных военных госпиталей, среди которых был и русский госпиталь в Ля Сейн-сюр-Мер [7, р. 22]. Занявший помещения пансионата Сент-Мари, госпиталь, рассчитанный на 550 коек и имевший собственную операционную, получил статус дополнительной больницы № 4. 7 января 1917 г. первые раненые русские солдаты прибыли в Ла-Сейн. 10 марта 1917 г. тулонский еженедельник «Le Petit Var» опубликовал заметку о преобразовании дополнительного военного госпиталя № 4 в Русский госпиталь: «Императорское общество Красного Креста под председательством Его Величества Императрицы решило создать госпиталь для лечения офицеров и солдат русской армии, прибывающих с Востока (sic — М.Р.). Выбор пал на пансионат Сент-Мари» [6].

Госпиталем руководил главный врач Петр Павлович Белавенец⁴; по данным муниципального архива, к госпиталю были

⁴ Белавенец Петр Павлович (1871 г., г. Смоленск — 1939 г., г. София.). Хирург. Окончил медицинский факультет Московского университета (1903 г.) Защитил докторскую диссертацию при лаборатории Н.П. Кравкова в Военно-медицинской академии (1897 г.) С 15 мая 1898 г. работал земским врачом в с. Борисовщина Духовского уезда Смоленской губернии. С 1 февраля 1901 г. младший врач 178-го пехотного полка в г. Либаве, на 15 февраля 1902 г. там же вольнопрактикующий врач. На 1 мая

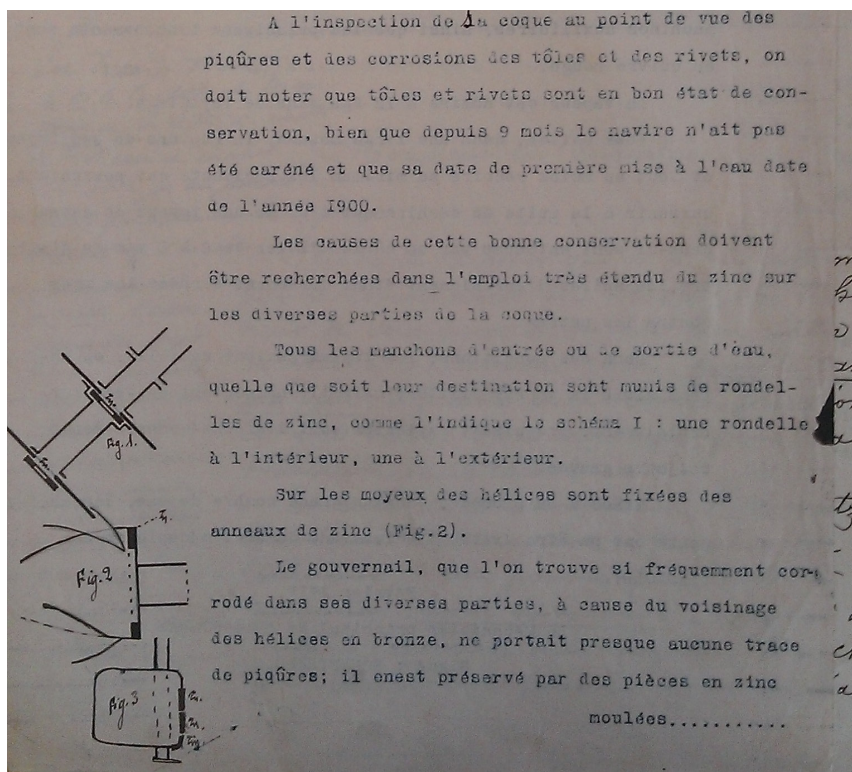

Рис. 2. Докладная записка французского механика Бурникара о состоянии корпуса крейсера "Аскольд" с предложениями по ремонту, 1916 г.

[Service Historique de la Défense de Toulon, Série 2D,
Sous-série 10, Carton 21]

1908 г. амбулаторный врач Александровской больницы в Санкт-Петербурге. Доктор медицины. Коллежский советник. Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну — врач в Русском экспедиционном корпусе во Франции в 1916–1918 гг. Участник Белого движения. В Болгарии с 1920 г. Работал вместе с женой, сестрой милосердия, Евгенией (род. в Санкт-Петербурге) в Приюте для увечных и престарелых воинов в с. Шипка. С 1929 г. они работали в Княжевском медицинском околотке, рядом с г. София. В 1938 г. был директором Русского инвалидного дома в Княжево.

прикомандированы четыре доктора, фармацевт, два офицера для решения административных вопросов, переводчик, семнадцать медсестер и семьдесят четыре медбрата, все русские [7, р. 23]. Госпиталь в Ля Сейн предназначался для лечения русских офицеров и солдат 2-й специальной бригады (3 и 4 полка) и 4-й специальной бригады (7 и 8 полка) Русского экспедиционного корпуса, которые сражались вместе с союзниками против болгар и австро-турок после подписания императором Николаем II в мае 1916 г. специального протокола о взаимодействии. Всего триста тридцать шесть русских солдат и офицеров, доставленных с передовой, были госпитализированы здесь, из них семьдесят два человека скончались от ран и инфекционных болезней и были похоронены на военном кладбище в Ля Сейн [7, р. 24].

Кроме того, при необходимости лечение в госпитале в Сент-Мари проходили русские моряки, офицеры военных транспортов и коммерческих судов, находящихся на рейде в Марселе. Так, в своем письме-обращении на имя капитана 1-го ранга В. И. Дмитриева, военно-морского агента в Париже, помощник капитана парохода «Императрица Екатерина Вторая» Кирилл Эммануилович Желадов сообщил, что в ноябре 1917 г. проходил лечение в русском госпитале в Ля Сейн, находится на реабилитации, и через генерального консула просил посредничества в переписке с французскими властями в Марселе по выплате ему суточных денег [ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 111–111об.].

Отдельной и весьма важной формой сотрудничества двух стран стали стажировки и служба офицеров флота в морских префектурах Тулона, Марселя и Бреста, а также наем русских экипажей. Прежде всего необходимо отметить, что практика организации служебных командировок по обмену опытом появилась в 1900 г. по инициативе французской стороны. Как установила в своей работе исследовательница М. Авис-Анун, французские офицеры-стажеры направлялись в армейские корпуса или училища для сбора сведений о русской армии [3, р. 425–434]. Первоначально поездки носили частный характер, но с 1908 г. французским военным, приезжающим в командировки в Россию, стало выплачиваться жалование.

Первые достоверные сведения о стажировках русских офицеров военно-морского флота относятся к 1911 г. Так, в специальной депеше, адресованной морскому префекту Тулона, вице-адмирал Ля Брис, начальник Генерального военно-морского штаба Франции, сообщал, что русский «капитан 1 ранга Весёлкин, командир крейсера “Бородино”, получил разрешение на пребывание в течение трех-четырёх дней на борту крейсера “Париж”, прибывающего в Ля Сейн. Командиру корабля Весёлкину, который у себя в стране является членом Морского технического комитета, поручено изучить повседневные условия жизни на борту» [SHD Toulon. Série D 1. Sous-série 2. Carton 99]. Автор депеши также специально отмечал, что профессиональные интересы русского капитана никак не затрагивают вопросов, связанных с судовой артиллерией и организацией боевых учений.

Отдельной плодотворной формой сотрудничества следует считать наем русских морских офицеров и экипажей на французскую службу. По данным документов, сохранившихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, в 1918–1919 гг. для прохождения службы в различных административных подразделениях военно-морских сил Франции были направлены пятьдесят шесть русских моряков. Так, согласно приказу от 16 августа 1918 г., лейтенант Любимов поступал в распоряжение морского префекта Тулона, а лейтенант Смиренский должен был предстать перед начальником отряда тральщиков в Марселе.

В 1919 г. с целью обеспечения взаимодействия с командованием французского Оккупационного корпуса в Константинополе была создана Русская военно-морская база. После крымской эвакуации специалисты базы занимались вопросами размещения и сохранности русских кораблей в Константинополе, наймом экипажей, использованием русских судов французскими и турецкими властями. Для работы в штабе Оккупационного корпуса нанимались русские морские офицеры, выполнявшие функции переводчиков и секретарей-делопроизводителей; они считались поступившими на французскую службу и получали жалованье от властей Оккупационного корпуса [SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Cartons 61–62].

Наем русских экипажей практиковался не только в Константинополе, но и в других портах пребывания русских кораблей военного и торгового флота. О практических аспектах данного сотрудничества мы можем судить по документам из коллекции Государственного архива Российской Федерации. В своем письме-рапорте, адресованном военно-морскому агенту в Париже, командир парохода «Чихачёв» сообщал, что специальным распоряжением морского министра все русские корабли, находящиеся на марсельском рейде, были «переведены под французский флаг. <...> Офицеры остались, плюс офицеры с “Екатерины”, вернувшиеся из отпуска. Живут на берегу. <...> Начальник Морского штаба в Марселе заявил мне, что я и мои офицеры, а также и механики с парохода “Императрица Екатерина II”, все, давшие свое согласие оставаться на французской службе и на французских условиях, будут находиться в запасе на берегу со следующим месячным жалованием: капитану — 600 франков, старшему офицеру — 350 франков, 2-му офицеру — 250 франков, старшему механику — 500 франков, 2-му механику — 350 франков, 3-му механику — 300 франков, 4-му механику — 250 франков, радио-телеграфисту — 200 франков и с суточными каждому по 8 франков в день. <...> Отношение Марины всегда было к нам, морякам, самое великолепное и желательно было бы, чтобы оно таковым и оставалось...» [ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 156–157]. Как правило, русские экипажи нанимались на небольшие новые пароходы, совершавшие регулярные маршруты. Впоследствии некоторые русские корабли торгового флота были куплены известной транспортной компанией «Messageries Maritimes», выполнявшей пассажирские перевозки [Chambre de Commerce et d’Industrie de Marseille. Série L. Journaux de campagnes d’Odessa, d’Affon, de Jérusalem]. Компания также практиковала наем русских экипажей, имевших репутацию квалифицированных и грамотных специалистов.

Как уже было упомянуто во введении к данной статье, в регионе стали появляться памятные места, связанные с пребыванием русских военных. К таким местам относятся, прежде всего военные некрополи в Ля Сейн и Сен-Мандрие. Могилы 31 солдата и офицера Русского экспедиционного корпуса находятся на спе-

циальном участке сейнского городского муниципального кладбища: «Квадрат 11. Русско-французский военный мемориал». Мемориал был создан в 1922 г. по инициативе городских властей и при участии регионального отделения французской Ассоциации ветеранов Великой войны. Все русские могилы были украшены уникальными литыми крестами в виде шпата (так называемые «русские кресты») и табличками с гравировкой «Mort pour la France» («Погиб за Францию»). Кладбище сильно пострадало от бомбардировок в годы Второй мировой войны, однако «русский угол» сохранился. В 1999 г. была проведена реконструкция данного участка кладбища, обветшавшие могильные памятники прошлого века были заменены новыми, современными и типовыми (Рис. 3) [5].

Рис. 3. Русский военный некрополь, Ля Сейн-сюр-Мер, 2016 г.⁵

Некрополь в Ля Сейн не единственный в регионе, где были похоронены русские военные, участники Первой мировой войны. Русские могилы присутствуют также и на кладбище центрального военно-морского госпиталя в Сен-Мандрие. Здесь, на линии «G»,

⁵ Фото из личного архива автора.

покоятся останки 18 русских воинов, павших за Францию: 17 солдат Русского экспедиционного корпуса и 1 морской офицер [8].

Важно отметить, что о местонахождении данных объектов русской воинской славы и памяти было хорошо известно представителям общины русских эмигрантов, сформировавшейся в Тулоне к концу 1920-хх гг. [2, с. 405–418], о чем свидетельствуют соответствующие архивные документы. Согласно выписке из протокола заседаний Церковного совета русской церкви Воскресения в Тулоне от 13 мая 1937 г., прихожане заботились об организации ежегодной панихиды на русском военном кладбище в Ля Сейн: «Отслужить в воскресенье 16 мая в 4 с половиной часа. Сбор у церкви, выше пристани...» [Archives Paroissiales de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil de l'administration. 1937].

Подводя итоги, необходимо отметить, что военно-морское сотрудничество России в сфере военного кораблестроения, обучения и стажировок офицеров стало одной из важных и результативных граней русско-французского альянса второй половины XIX — начала XX вв. Вместе с тем, помимо развития и укрепления отношений исключительно в военной области, важно отметить формирование в регионе южной Франции определенной социальной структуры, связанной с постоянным пребыванием здесь русских военных моряков, и поддерживаемой, с одной стороны, русскими дипломатическими учреждениями, а с другой регулярными контактами русских военных моряков с французскими коллегами и местным населением. К началу 1920-х гг. в регионе уже сформировалось культурное пространство русских мест памяти, связанное с событиями и последствиями Крымской и Первой мировой войн. Русские морские офицеры, прибывшие в начале 1920-х гг. в такие южно-французские города как Тулон и Марсель, показали себя прекрасно осведомленными об истории русско-французских контактов в военно-морской сфере, о содержании сотрудничества в данной сфере, о наличии целой сети функционирующих русских дипломатических учреждений в этом регионе и тех самых русских памятных местах.

Список литературы

1. Рудковская М. М. Русско-тулонское военно-морское сотрудничество второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 125–134.
2. Рудковская М. М. Русская эмигрантская община в Тулоне в 1920–1930-х годах: формирование и состав // Научный диалог. 2018. № 12. С. 405–418.
3. Avice-Hanoun M. Les relations stratégiques franco-russes de 1892 à 1914. Thèse de doctorat. Paris, 2001. P. 425–434.
4. Archives de la Chambre de Commerce et d'Industrie de Marseille. Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.
5. Domange Y. Les croix-épées dites russes des monuments aux morts des communes du canton de Reigner//<https://www.la-salevienne.org> (дата обращения 05.12.21).
6. Le Petit Var. Le 10 mars. 1917.
7. Marcellesi D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 22–24.
8. Pellyard J.-F., Extraits militaires russes des archives de l'hôpital de Saint-Mandrier. Tapuscrit. Toulon, 2005. 30 p.
9. Regnard C. Les travailleurs chinois de la Grande Guerre — l'exemple de la Seyne-sur-Mer // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 30–33.

Margarita Mikhailovna Rudkovskaya,

PhD in History, Associate Professor, Department of Political Economy and History of Economic Science, Russian University of Economics, Moscow, Russia.

**RUSSIAN SAILORS IN THE SOUTH OF FRANCE
IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY:
PEOPLE, MECHANISMS, INSTITUTIONS, COMMUNITIES**

In the early 1920s, the cities of southern France became one of the centers of Russian naval emigration. This article shows the background of contacts between Russian state and naval structures with the military and city administrations of cities in southern France (Marseille, Toulon), which determined the direction of this emigration and facilitated the conditions for adaptation in the region of Russian sailors already in the role of emigrants. The author analyzes the main aspects of naval cooperation in the period under study, shows the main institutions of this interaction in military and socio-cultural aspects.

Keywords: French-Russian Alliance, French-Russian naval cooperation, naval officers, France, Toulon, Russian places of memory, Russian emigrants.